

«Текст далеко не всегда совпадает с истиной»

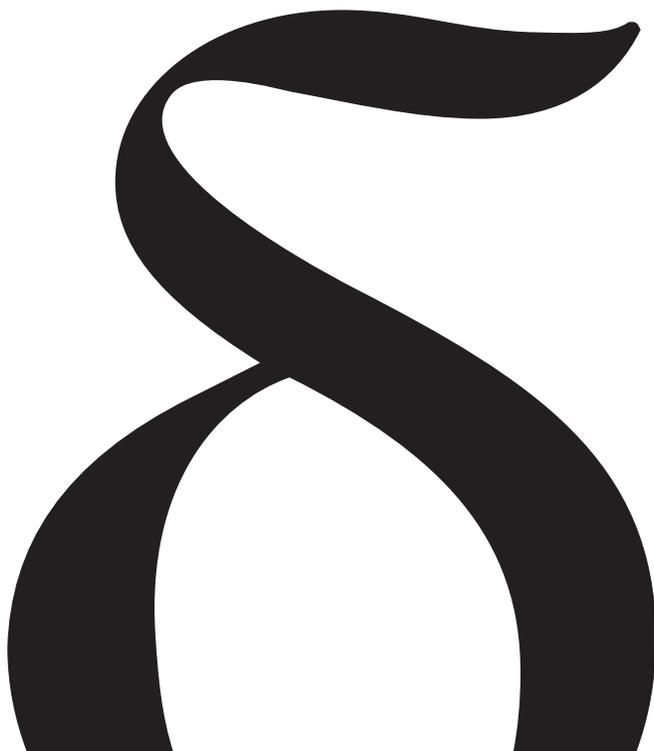
Беседа Дмитрия Ермольцева с Рустамом Шукуровым

Знакомство с Рустамом Шукуровым, поначалу заочное, состоялось в пору моего преподавания в замечательной московской школе «Муми-Тролль». Мы с коллегами пользовались тогда экспериментальным учебником «От средневековья к новому времени», написанным им совместно с Ольгой Дмитриевой и Людмилой Пименовой. Это был превосходный учебник, один из лучших в стране. Как-то раз Рустама Мухаммадовича пригласили в школьный лекторий, попросив его рассказать об истории и культуре таджиков – то была одна из наших акций по профилактике антимигрантских предрассудков. На лекции я убедился, что профессор Шукуров не только эрудированный автор, но и замечательный рассказчик. Спустя несколько лет, когда у меня возник замысел цикла бесед с учеными-гуманитариями, он был в числе первых, о ком я подумал. [Дмитрий Ермольцев]

РЫБА МОЖЕТ БЫТЬ ИХТИОЛОГОМ

Дмитрий Ермольцев: Чем определялся сделанный вами выбор профессии – как вы стали востоковедом и византинистом?

ИНТЕРВЬЮ
«НЗ»

**ДМИТРИЙ ЕРМОЛЬЦЕВ –
РУСТАМ ШУКУРОВ**

«ТЕКСТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА
СОВПАДАЕТ С ИСТИНОЙ»

Рустам Мухаммадович Шукуров (р. 1961) – профессор кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века исторического факультета МГУ, автор книг «Тюрки в византийском мире» (2017), «Великие Комнины и Восток» (2001), «Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья» (1999) и других.

Дмитрий Алексеевич Ермольцев (р. 1972) – журналист, преподаватель истории.

Рустам Шукуров: Наверное, этот выбор был predetermined моим происхождением. Я таджик, причем от рождения двуязычный: у меня таджикский отец и русская мама, родился в Душанбе и провел там первые шестнадцать лет. Когда на втором курсе исторического факультета МГУ зашла речь о специализации, мне захотелось применить свое знание азиатской жизни, полученное «из первых рук». К тому же у меня имелось довольно важное преимущество перед другими студентами, а именно – персидский язык, который я получил по рождению. Именно по этим причинам я с самого начала желал заниматься пограничьем, мусульманско-христианским пограничьем. Будучи тогда очень юным, я не слишком хорошо представлял, как это должно выглядеть. Оттого и предложил для собственной специализации арабскую Андалусию, то есть Испанию мавров и бытовавшие там взаимоотношения мусульман и христиан. Но в начале 1980-х на кафедре средних веков не оказалось специалиста, который мог бы стать моим научным руководителем. И тогда Сергей Карпов, нынешний президент исторического факультета, предложил мне заняться той же проблематикой, но на византийском материале. Сейчас, став зрелым исследователем, понимаю, что сама судьба поправила мой незрелый выбор: конечно же, выбирать нужно было именно Византию. Вот так сошлись генетически обусловленные склонности, сознательные намерения и слепой случай.

Д.Е.: Иначе говоря, вы как историк изучаете Византию, византийско-тюркские и византийско-иранские контакты?

Р.Ш.: Да, и одновременно приходится заниматься греческой, персидской, арабской словесностью. Когда речь идет о пограничных феноменах, мы можем о них судить только на основании достаточного знания о внутренних процессах по обе стороны границы. А граница мне интересней всего.

Д.Е.: Насколько типична ваша личная ситуация? Люди часто становятся специалистами – японистами, например, – потому, что их привлекает именно чужеродность и экзотичность предмета.

Р.Ш.: Филологи в шутку говорят: рыба не может стать ихтиологом – такова установка позитивистской науки: сам себя человек изучить не может. Но я эту установку категорически не принимаю. Мы ведь находимся в ситуации постмодерна или даже постпостмодерна, причем не в смысле конфигурации художественных течений и стилей, а в смысле самого модуса нашей мысли. Я вижу, что в современной ситуации наиболее успешные научные исследования связаны с самопознанием. Иначе говоря, в моем личном положении нет ничего необыч-

ного. Вполне естественно, что во Франции большинство ученых – этнические французы, а в России – этнические русские. Но в истории российского востоковедения было немало примеров, когда носители той или иной восточной культуры становились самыми успешными ее исследователями. Такое повторялось сплошь и рядом, особенно в советское время – в эпоху империи.

ДМИТРИЙ ЕРМОЛЬЦЕВ –
РУСТАМ ШУКУРОВ

«ТЕКСТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА
СОВПАДАЕТ С ИСТИНОЙ»

Д.Е.: А что изменилось после распада империи?

Р.Ш.: Востоковедение оказалось в кризисе. Большая проблема с историей Грузии: картвелологов у нас нет в принципе. Серьезные трудности с арменистикой и исследованиями Средней Азии. В советское время эти научные области были даны на откуп местным кадрам: центром арменистики был Ереван, центром грузиноведения – Тбилиси. При этом шел очень интенсивный интеллектуальный обмен: люди постоянно встречались на конференциях, региональных, общесоюзных, международных. Существовало единое научное пространство, поскольку все писали по-русски. Но сейчас этому пришел конец, и российская наука потеряла очень много.

Д.Е.: Имеется ли сейчас у российской публики хоть какой-то интерес к мусульманскому Востоку, его истории и культуре? Иногда кажется, что эта часть мира воспринимается как совершенно чуждая или даже враждебная.

Р.Ш.: По моему мнению, отношение современного русского интеллектуализма к материалу, скажем, турецкому, иранскому, среднеазиатскому, указывает на основательную незрелость и несамостоятельность этого интеллектуализма. Если хотите почитать что-то серьезное и объективное об истории Индии, читайте англичан, тут им равных нет: они владели Индией и изучили ее лучше индийцев. Если нужно узнать что-то о Магрибе, читайте французов: они осваивали его со времен Наполеона и познали весьма глубоко. Русские же, долгое время владея Средней Азией и активно взаимодействуя с Ираном и Турцией, так и не превратились в авторитетных носителей знания об этих территориях. Это о чем-то говорит. В русском интеллектуализме постсоветской поры я вижу ту же слепоту и то же отсутствие бескорыстного интереса к чужому.

Не так давно мне довелось подготовить к печати написанные в начале XX века дневники одного высокопоставленного функционера Бухарского эмирата, подконтрольного в то время Российской империи. Перевел на английский, книга вышла в издательстве «Brill» в Лейдене¹. Потом попытался предло-

1 *The Personal History of a Bukharan Intellectual: The Diary of Muhammad-Sharīf-i Sadr-i Ziyā* / Trans. by R. SHUKUROV. Leiden: Brill, 2004.

**ДМИТРИЙ ЕРМОЛЬЦЕВ –
РУСТАМ ШУКУРОВ**

«ТЕКСТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА
СОВПАДАЕТ С ИСТИНОЙ»

жить ее московским издателям – никого это не заинтересовало. А ведь до 1917 года у русских был бескорыстный, сугубо научный интерес к тому, что происходит в Средней Азии. Последующее угасание этого интереса сыграло с мировой наукой злую шутку, потому что в дореволюционный период мировая наука знала: если дело касается Средней Азии – надо читать русских авторов. И люди, которые на Западе по тем или иным причинам стремились заниматься среднеазиатским регионом, учили русский язык. Но потом последовал разгром востоковедения в Советском Союзе. Когда же СССР развалился, на Западе вновь заинтересовались Средней Азией, свято при этом веря, что русские уже описали практически все. Но, начав углубленно знакомиться с материалами по XX веку, представленными советскими востоковедами в кандидатских и докторских диссертациях, зарубежные специалисты сразу обнаружили, что это не наука, а политические декларации.

Русские, долгое время владея Средней Азией и активно взаимодействуя с Ираном и Турцией, так и не превратились в авторитетных носителей знания об этих территориях.

Д.Е.: Получается, что прогресс российского востоковедения оборвался на Василии Бартольде и его коллегах в начале прошлого века?

Р.Ш.: Поколение Василия Бартольда, Евгения Бертельса и их непосредственных учеников – мощная традиция мирового уровня. В русском дореволюционном сознании была потребность в научной истине, удивление чужому и жажда его познания.

Д.Е.: А что происходит – в сопоставлении с отечественной ситуацией – с гуманитарной наукой в Турции и Иране? Трансформации этих обществ тоже вовлекли ее в кризис?

Р.Ш.: В отношении Турции я отметил бы две тенденции, связанные с эволюцией турецкой культурной модели. Кемаль Ататюрк перешел с арабицы на латиницу, после чего прошла волна очищения турецкого языка от персидских и арабских заимствований. Но в имперское время эти языки преподавались в османских школах, не говоря уже об университетах, и поэтому в 1960–1970-х годах в стране еще жило поколение, которое эти языки знало. В то же время в силу открытости Турции западным влияниям и при империи, и при республике многие турки владели европейскими языками – в основном

немецким и французским. Турецкая гуманитарная наука, до 1970-х комбинирующая две традиции, выдавала добротный продукт. Потом, однако, наступил глубочайший кризис. Если же говорить о второй тенденции, то она обусловлена тем, что в последние тридцать или сорок лет интеллигентские семьи, прежде всего из Стамбула, отправляют детей во французские, американские и английские университеты. Новое поколение турецких исследователей – очень просвещенные люди, с широким горизонтом и современным инструментарием. Но при этом турки, которые духовно сформировались после реформы Кемала Ататюрка, не в состоянии в полной мере осознать собственную традицию – именно в силу незнания арабского и персидского. Что же касается Ирана, то это мощная и древняя культура, генерировавшая огромное количество текстов. Иранцы полностью погружены в себя, изучают свое культурное наследие чрезвычайно успешно, они большие знатоки собственного языка, искусства, литературы, но по большей части абсолютно глухи к новым интерпретациям, предлагаемым современной европейской наукой. Причем дело не в идеологии и не в политике – просто они склонны к изоляционизму и нарциссизму, как любой древний народ.

**ДМИТРИЙ ЕРМОЛЬЦЕВ –
РУСТАМ ШУКУРОВ**

«ТЕКСТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА
СОВПАДАЕТ С ИСТИНОЙ»

Д.Е.: Но в Турции идеология вроде бы должна влиять на науку – в частности, государственная идея, что в Турции живут только турки.

Р.Ш.: Поскольку турки еще недавно стремились в Европейский союз, в последние десятилетия об этом почти не говорили. Официальная Турция старалась быть осторожной по поводу идеологических деклараций. Поэтому, например, теперь в стране работает собственная Ассоциация византистов, которую создали те самые ученые, которые вернулись из западных университетов. А прежде, между прочим, существовал негласный запрет не только на изучение Византии, но на само упоминание о ней.

КЕМ СОТВОРЕН СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Д.Е.: Кавказ заинтересовал русскую культуру в пору романтизма, когда был высок спрос на экзотику и местный колорит. Там побывали Пушкин, Лермонтов, Толстой. В итоге сложилась эмоциональная связь, которая позволила Александру Кушнеру после распада Советского Союза написать: «До свиданья Кавказ, мы тебя любили / Больше, чем Кострому или Вятку». А кто из наших писателей побывал в Средней Азии, кто писал о ней? «Звезды над Самаркандом» Сергея Бородина и «Повесть о Ход-

же Насреддине» Леонида Соловьева – вот, собственно, и все, что наша художественная литература посвятила этой части мира.

Р.Ш.: Говоря о советском периоде, мы должны помнить о распределении «зон ответственности». В советское время в Средней Азии работало множество литераторов местного происхождения, описывавших ее на русском языке. Они создавали своего рода колониальную литературу, подобную той, какой, скажем, богата современная Франция: это письмо о своем, но выполненное по чужим лекалам. Арабские франкофоны, пишущие по-французски об арабской жизни в Северной Африке и в самой Франции, зачастую даже не знают арабского языка. Примерно то же самое наблюдалось и в Средней Азии. Чингиз Айтматов, Тимур Пулатов, Тимур Зульфикаров, Олжас Сулейменов – наиболее яркие представители этого жанра. При этом Айтматов, как мне кажется (но это надо бы проверить), вообще не говорил по-киргизски, а Зульфикаров не владеет таджикским.

Д.Е.: На отношении к мусульманскому Востоку ощутимо сказываются наши политические убеждения. Сторонники демократии и политических свобод осуждают «восточный деспотизм», а поборники авторитаризма, напротив, симпатизируют «восточному порядку». Повелось это издавна: наверное, еще с Ивана Пересветова, который предлагал Ивану Грозному соединить православную веру с «правдой», носителем которой он представил султана, повелевшего сдирать кожу с неправедных судей.

Р.Ш.: Здесь мы снова имеем дело с недостатком информации. Именно на плохом знании основываются умозаключения, согласно которым Запад – модель «свободы», иногда выходящей из берегов и оборачивающейся безобразиями, а Восток – модель «сильного государства», лидер которого ведет свой народ к процветанию. Действительно, демократические институты складывались в первую очередь в Западной Европе. Но Восток оставался очень разнообразным. Скажем, турецкая государственность была сильно централизованной, а институт рабства занимал в ней видное место. Но при этом устройство Османской империи для мусульманского мира оставалось отнюдь не типичным – такого не было ни у арабов, ни у иранцев. Иран, кстати, являл собой одну из самых ранних азиатских демократий, а понятие свободы всегда оставалось первоосновой иранской ментальности. В этой стране никогда не было крепостного права. В эпохи политической нестабильности включались механизмы самоорганизации горожан, которые работали чрезвычайно эффективно. Когда рушилась государственная система управления, местные сообщества брали на себя функции

поддержания порядка и охраны торговых коммуникаций. Интересно, между прочим, что в конце 1980-х что-то подобное наблюдалось и в Фергане – хотя это тюркское пространство, модели жизни здесь иранские. На фоне ослабления, а потом и полного развала советской управленческой системы, беспомощности центральной власти Ташкента в Фергане возникли самоорганизующиеся городские общины. В будущем как раз они и стали причиной конфликта между Исламом Каримовым и Ферганской долиной. Он начинал консолидировать власть в Узбекистане с подавления самоорганизации в Фергане. Андижанские события 2005 года тоже имеют отношение к этому сюжету.

**ДМИТРИЙ ЕРМОЛЬЦЕВ –
РУСТАМ ШУКУРОВ**

«ТЕКСТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА
СОВПАДАЕТ С ИСТИНОЙ»

Иран являл собой одну из самых ранних азиатских демократий, а понятие свободы всегда оставалось первоосновой иранской ментальности.

Д.Е.: Что же происходило с иранской самобытностью в новейшие времена?

Р.Ш.: Революция 1905 года вынудила правившую в Иране династию Каджаров ввести конституционную монархию, в стране тогда появился реальный парламент, посредством которого реализовалось волеизъявление народа. Первопричина последующего конфликта между иранской монархией и народом Ирана заключалась именно в том, что представитель династии Пехлеви, последней правящей семьи Ирана, перед Второй мировой войной распустил парламент. Свое решение он объяснял тем, что начинающаяся война потребует концентрации всех сил в одних руках. Исламисты же, свергшие последнего шаха в конце 1970-х, оказались у власти по воле народа, а не из-за дворцового заговора. Население снесло шахский режим – мы не обсуждаем сейчас вопрос, стоило ли это делать, – и пригласило опальных мулл именно потому, что они боролись с диктатурой Пехлеви. Сейчас иранцы понимают, что сделали ошибку. И они точно так же уничтожат режим, выстроенный Хомейни, – в этом у меня нет никаких сомнений. Конечно, могут возникнуть внутренние или внешние обстоятельства, которые отсрочат этот момент, но, что дело будет решено самими народными массами – а не узкой группой высокопоставленных бюрократов и политтехнологов, которые решают подобные вопросы в России, – в этом я уверен.

Д.Е.: Можно ли говорить о том, что в Иране, вопреки господству исламистов, общество осталось в основном секулярным?

Р.Ш.: Готов согласиться с такой оценкой. Более того, я думаю, что после падения режима мулл страну ждет радикальная атеизация: ведь если маятник слишком увести в одну сторону, он потом с той же амплитудой уйдет в другую сторону. И, честно говоря, я немного озабочен: на этой волне могут произойти нежелательные культурные эксцессы – вроде, например, отказа от арабской письменности. Напомню, вопрос о переходе на латиницу в Иране начали обсуждать еще в конце XIX века, раньше, чем в Турции. Если такое случится, то культура помлодеет сразу на целое тысячелетие, а это вызовет разрыв новых поколений с богатейшей традицией. Будет хуже, чем в Турции, ведь турецкая литературная традиция намного короче.

Д.Е.: Интересно, что для Европы еще с античности Иран выступал символом тирании. Греки полагали, что отразить персидское нашествие им удалось лишь из-за того, что царь повел на них мириады подневольных людей – и все эти толпы разбили об общество, основанное на законе и свободе.

Р.Ш.: Размышляя об этом, стоит вспомнить, как эволюционировала сама греческая цивилизация. Она проделала путь от городов-республик к Александру Македонскому, который создал вселенскую империю, превратив себя, по сути, в персидского шаха. По моему мнению, в греческом сознании соседствовали гордость за себя и зависть к блестящему соседу.

Д.Е.: К соседу, прежде всего неприлично богатому и развращавшему золотом?

Р.Ш.: Из Ирана шли не только деньги, но и технологии, научные знания, культурные достижения. И греки активно пользовались этими благами, даже не признаваясь себе в этом. Персия выступала для них, с одной стороны, символом тирании и страшным врагом, но, с другой стороны, – источником благосостояния и развития. Широкий товарный обмен продолжался и в римский, и в византийский периоды, что не удивительно: ведь Византия, по сути, есть тот же Рим, различия в основном внешние. Самые серьезные конфликты у Рима были с древним Ираном. Для того времени это настоящие мировые войны с участием огромных масс людей и применением новейших военных технологий. Но эти враги парадоксальным образом были очень нужны друг другу. Не случайно Феофилакт Симокатта, византийский историк VII века, писал: Рим и Персия – два ока Вселенной. Вся мировая история возникла из взаимоотношения этих двух половинок обитаемого мира – греков и иранцев. Иран – явно недооцененная и недопонятая культура. Муллы, теократия, антиамериканизм и антиссионизм отнюдь не встроены в нее «генетически». Иранская цивилизация опре-

делила облик современного мира именно в соперничестве и сотрудничестве с греко-римским миром. В том числе – и через встречу с иудеями. Иначе говоря: современный мир сотворен индоевропейским началом в лице греко-римлян и иранцев и семитским началом в лице евреев, а потом и арабов.

ДМИТРИЙ ЕРМОЛЬЦЕВ –
РУСТАМ ШУКУРОВ

«ТЕКСТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА
СОВПАДАЕТ С ИСТИНОЙ»

**Иран – явно недооцененная и недопонятая культура. }
Муллы, теократия, антиамериканизм и антисионизм }
отнюдь не встроены в нее «генетически».**

ПРОТИВ СЕБЯ И ПРОТИВ БОГА

Д.Е.: Давайте вернемся к проблеме современной невосприимчивости к мусульманской культуре. В свое время вы писали об Исмаиле Гаспринском – крымскотатарском просветителе, жившем во второй половине XIX и в начале XX веков². Он прославился своим проектом культурной модернизации ислама, предполагавшим заимствование элементов европейской образованности. По вашему мнению, могло ли движение в таком направлении ликвидировать барьер между Россией и миром ислама?

Р.Ш.: Я бы определил мотивацию Гаспринского противоположным образом: освоение европейских интеллектуальных технологий и принятие европейской школьной традиции требовалось с его точки зрения для того, чтобы сделать разделяющую нас стену еще крепче и еще выше. Такова особенность ранних форм обновленчества в мусульманстве, к которым принадлежал и упомянутый мыслитель. Кстати, сейчас по тому же пути идут салафиты, то есть радикальный ислам. Но, говоря об этом, надо иметь в виду и альтернативу, которую предложил Мохаммед Аркун – алжирский философ-бербер, в друзьях у которого были Жиль Делёз и Жак Деррида. Он говорил, что нужна глубинная гомогенизация интеллектуальных практик христиан и мусульман, а путем к ней считал заимствование мусульманами европейского мыслительного инструментария. Выравнивание образовательного уровня двух миров, по его мнению, должно было автоматически устранить конфликты между ними, поскольку современный радикализм в значительной мере обусловлен недостатком знаний. Уточняя свое видение, Аркун добавлял, что политические режимы Северной Африки и Ближнего Востока являются марионеточными, кор-

2 Шукуров Р. *Исмаил Гаспринский. Проект счастья* // Отечественные записки. 2004. № 1(16) (<https://strana-oz.ru/2004/1/ismail-gasprinskiy-proekt-schastya>).

румпированными и антинародными из-за того, что их после Второй мировой войны насадили европейцы – ради собственных нужд. Реакцией на это и стал радикализм. Допустив его появление внутри восточных сообществ, Запад сам положил начало процессам, которые теперь вообще не поддаются его контролю. Я говорю об организованном терроризме, который не имеет никакого отношения к порыву националистического чувства арабов или религиозного чувства мусульман: это политическая организация, не обремененная ни принципами, ни идеалами.

Д.Е.: Вы описываете исламский терроризм, как Голема, который обратился против своих создателей, – и как феномен, изначально политический. Но сегодняшние шахида – верующие фанатики. Как объяснить этот переход от политического сознания к религиозному?

Р.Ш.: В массе своей участники радикального политического движения в исламе остаются по преимуществу нерелигиозными существами – по большому счету, это малообразованные люди. Да, они декларируют, что являются мусульманами, но трудно сказать, насколько глубоко они понимают ислам. Практиковать религию как идеологему и как веру – разные вещи. Российская современность демонстрирует, что самыми яркими сторонниками православия подчас оказываются наиболее правочерные в прошлом коммунисты. С распадом СССР они сожгли свои партийные билеты и пошли в церковь, в этом им видится обретение истины. Но на деле они как были карьерными существами, так и остаются таковыми. Что же касается тех несчастных людей, которые совершали и совершают террористические акты в США, России, других странах, то их внутренней мотивацией, разумеется, выступает служение религии. Но при этом у них не хватает знаний, чтобы понять: занимаясь подобным, они совершают преступление в рамках самой религии – преступление против себя и против Бога.

Д.Е.: Мир в свое время был покорен европейской цивилизацией, но всякое завоевание, как известно, не только приобретение, но и ответственность. Может быть, европейцам не хватило опыта, чтобы такую ответственность проявить?

Р.Ш.: Как мне кажется, в последнюю пару десятилетий европейское понимание этих материй становится все более тонким и нюансированным – в частности, благодаря привлечению интеллектуальных сил уроженцев Востока. То, что я говорю о современном состоянии исламского мира, вполне понятно людям в Европе – по крайней мере тем из них, кто принадлежит к научно-экспертному сообществу. Проблема, правда, в том,

что Европа сегодня бессильна: Европейский союз не в состоянии продемонстрировать свою волю в мусульманском мире – да и сама эта воля отнюдь не едина.

**ДМИТРИЙ ЕРМОЛЬЦЕВ –
РУСТАМ ШУКУРОВ**

«ТЕКСТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА
СОВПАДАЕТ С ИСТИНОЙ»

Д.Е.: Есть ли в современной России такое же «понимающее» экспертное сообщество, как в Европе, и какова его востребованность нынешним режимом?

Р.Ш.: Мне трудно судить обо всем экспертном поле, но если говорить о Средней Азии и Ближнем Востоке, то по большей части действия власти в этих регионах приходится признать не слишком грамотными, а то и вовсе по-детски незрелыми. Причем, оставаясь не слишком сведущими и не особенно профессиональными, государственные органы и обслуживающие их политизированные «экспертные структуры» всячески избегают привлечения специалистов из академической среды, которые обладают запасом знаний, достаточным для выработки адекватных рекомендаций.

Оставаясь не слишком сведущими и не особенно профессиональными, государственные органы и обслуживающие их политизированные «экспертные структуры» всячески избегают привлечения специалистов из академической среды, которые обладают запасом знаний, достаточным для выработки адекватных рекомендаций.

Д.Е.: Это только наша болезнь или в других местах такое тоже есть? Как это устроено, скажем, в Великобритании или во Франции?

Р.Ш.: Во-первых, на Западе наиболее авторитетные специалисты в той или иной научной области принимаются на должности советников различных структур исполнительной или законодательной власти. Во-вторых, специалист из академической среды может в разовом порядке приглашаться к участию в той или иной экспертизе. Но необходима важная оговорка: все упомянутое возможно лишь в тех социумах, где отсутствует антагонизм между властью и населением. Его нет ни во Франции, ни в Великобритании, ни в США – там даже сотрудничество исследователя со спецслужбами не будет считаться чем-то зазорным. У нас же ситуация другая: антагонизм между народом и властью, сформировавшийся при монархии и сохранившийся при коммунизме, не удалось изжить даже

в постсоветское время. Мне, например, не нравится нынешняя политика государства – ни внешняя, ни внутренняя. Я бы хотел, чтобы власть в России была другой. Поэтому, не исключая для себя возможности поделиться экспертными знаниями, если ко мне вдруг обратятся, я тысячу раз подумаю, делать это или нет при нынешнем режиме. Впрочем, как я уже говорил, у нас и сама власть не очень доверяет экспертному мнению и не слишком стремится о нем узнать. Нелюбовь у нас взаимна.

СРЕДНИЕ ВЕКА: ЭСХАТОЛОГИЯ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ДИНАМИЗМ

Д.Е.: Из ваших статей и лекций можно сделать вывод, что Средневековье – при всей его религиозной конфликтности – было в каком-то смысле более толерантной эпохой, чем наша нынешняя.

Р.Ш.: Сознание средневековых людей ни в коем случае нельзя рассматривать с точки зрения мультикультурализма: они отличались крайним равнодушием к чужому, и у них не было того отторжения инаковости, которое зачастую присуще современному человеку. Вопрос о том, как слышать чужое, поставила нынешняя атеистическая культура: это сделал, к примеру, Люсьен Леви-Брюль в отношении первобытного мышления – оно, по его мнению, настолько не похоже на наше, что недоступно описанию с привнесением каких-то наших черт.

С чем связаны проблемы современной религиозности? Если скажем, еще в эпоху Просвещения элементы атеистического сознания оставались редкими и маргинальными вкраплениями на бескрайнем поле религиозной ментальности, то религиозное сознание в современном мире, напротив, представляет малозначительные всполохи в преимущественно атеистической среде. Наша жизнь исключительно секулярна, даже в Иране, сколько бы тамошние муллы ни пытались изменить сложившуюся модель. Отсюда и радикализм современного религиозного сознания, которое на самом деле – симулякр, имитация религиозности. Про Средневековье такого сказать нельзя: там господствовало настоящее религиозное чувство, причем менее радикальное. Оно всегда ощущало относительность провозглашаемой истины, ее изменчивость и динамичность. В современной же ситуации произносимые истины воспринимаются буквально в их нерелятивном, абсолютном модусе.

Д.Е.: А чем, собственно, опасны современные обыкновения религиозной симуляции? Может быть, просто сейчас время такое? Мы же на каждом шагу сталкиваемся с симулякрами.

Р.Ш.: Симулятивная религиозная традиция напроочь лишена творческого начала, поскольку прямо заявляет: творчества сейчас нет – возвращаемся к истокам. Люди, которые провозглашают подобное, недостаточно образованны, чтобы понимать, что в одну и ту же воду дважды не войдешь. Невозможно восстановить реалии I века, вернувшись во времена Иисуса Христа и апостолов: другой язык, другая ментальность, другой быт. Иначе говоря, религия в нашем мире оказалась периферийной из-за своего нетворческого характера. А могла бы, наоборот, остаться творческой и современной. Нынешней религиозности, на мой взгляд, не хватает культуры, что отчетливо просматривается в сравнении. Так, византийское законодательство в отношении неправославных было предельно жестким: по закону всех, кто не приобщен к православной вере, требовалось ставить перед выбором – либо православие, либо меч или изгнание. Но практика была совсем иной, потому что, помимо религиозной истины и ее юридических следствий, в социальном пространстве византийцев имелось и кое-что еще: цивилизационный, культурный опыт и цивилизационное, культурное благоразумие. Именно культура в широком смысле позволяла им не соблюдать собственные законы, в правомерности которых, кстати, никто из них не сомневался. Посмотрите, православие стало государственной религией в 381 году, но насквозь языческую Афинскую академию закрыли только в 525-м, причем без репрессий. Кроме того, лакмусовой бумажкой служит отношение к евреям. Византийцы были убеждены, что евреи распяли Христа и потому заслуживают самого худшего. Но при этом в Византии никогда не было еврейских погромов. А в Западной Европе они были, подтверждая ее более низкий цивилизационный уровень.

**ДМИТРИЙ ЕРМОЛЬЦЕВ –
РУСТАМ ШУКУРОВ**

«ТЕКСТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА
СОВПАДАЕТ С ИСТИНОЙ»

**Культурный контекст – единственный противовес,
который способен умерить ярость религиозной
истины. Если человек верит без культуры, то лучше
бы он не верил вообще.**

Д.Е.: Иначе говоря, нам есть чему поучиться у Средневековья?

Р.Ш.: Современные радикалы создают ситуацию, когда религиозная истина находится вне культурного контекста. А культурный контекст – единственный противовес, который способен умерить ярость религиозной истины. Если человек верит без культуры, то лучше бы он не верил вообще, на мой взгляд. Если целое общество верит без культуры, выставляя религиозные истины в качестве базовой политической идеологии,

**ДМИТРИЙ ЕРМОЛЬЦЕВ –
РУСТАМ ШУКУРОВ**

«ТЕКСТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА
СОВПАДАЕТ С ИСТИНОЙ»

то это опасно, с этим нужно что-то делать. Наверное, у Средних веков стоит учиться отношению к религии. В те времена она жила динамично и творчески, никогда не останавливаясь в своем развитии. Вызовы, постоянно предъявляемые жизнью, вызывали ответную реакцию богословов, которые, говоря нашим языком, модернизировали религиозную традицию в свете изменившихся обстоятельств. По-моему, неудача нашей цивилизации обусловлена статичностью ее сознания. Кризис в гуманитарных технологиях очевиден. Вплоть до середины XX века и даже чуть позже у нас была уверенность в том, что мы в состоянии, используя строгий инструментарий, воспроизвести истину. Но, похоже, наша цивилизация истину не ухватывает как раз в силу своей логоцентричности и текстоцентричности. Я между тем верю, что истина в мире есть. Она не поддается статической фиксации, но раскрывается в динамическом аспекте – и не обязательно в речевом. Ведь текст далеко не всегда совпадает с истиной: истина динамична, а текст статичен.

Москва, август 2020 года